

В. В. Умнягин

Мотивы природы в текстах бывших соловецких заключенных

Описания окружающего мира, встречающиеся на страницах воспоминаний соловецких узников, раскрывают особенности мировосприятия как самих мемуаристов, так и описанных ими людей. Мотивы природы, проявляющиеся в произведениях лагерной прозы, указывают на то, что взаимодействие с природными объектами и явлениями выступает в качестве важного элемента внутренней жизни человека. Они становятся источником глубоких эстетических и духовных переживаний. При этом отношения с окружающим миром могут носить как положительную, так и отрицательную окраску, что, хотя бы отчасти, объясняется религиозным воспитанием и установками человека. Негативное отношение к природе соответствует дохристианским традициям, согласно которым видимое воспринималось как нечто враждебное по отношению к человеку, подобно платоновскому образу тела как темницы души. В христианстве, с его верой в освящение земной материи, в Ипостаси Иисуса Христа утверждается возможность обожения вещественного через действие Божественных энергий. Материя перестает в таком случае быть препятствием на пути к Богу, но становится камертоном, настраивающим на общение и отображающим отношение человека к Творцу и созданному Им миру.

Ключевые слова: тоталитарное правление, политические репрессии, узники, Соловецкий лагерь особого назначения, мемуары, взаимоотношения человека с природой, мировоззрение, мироощущение.

V. V. Umnyagin

Nature Motives in Former Solovetsky Prisoners' Texts

The descriptions of the world around, which are found on pages of the Solovetsky prisoners' memoirs, reveal features of the world perception of both memoirists, and people described by them. The nature motives, which are shown in works of camp prose, specify that interaction with natural objects and phenomena are an important element of internal human life, they become a source of deep aesthetic and spiritual experiences. Thus, the relations to the world around may be both positive and negative, and it can be partly explained by religious education and ideas of the person. The negative attitude to the nature corresponds to pre-Christian traditions. According to them, visible things were perceived as something hostile in relation to the person, like Platon's image of the body as the prison of soul. In Christianity with its belief in consecration of the terrestrial matter in Jesus Christ's Image, a possibility of deification of material things by actions of Divine energy is approved. The matter stops being in that case an obstacle in the way to God, but becomes the tuning fork which is adjusting to communicate and display the person's attitude towards the Creator and the world created by Him.

Keywords: totalitarian management, political repressions, prisoners, the Solovetsky camp of special function, memoirs, relationship of the person with the nature, outlook, attitude.

История минувшего века, ставшего эпохой тоталитарных форм правления, – это не только скорбный рассказ о жертвах политических репрессий, но и жизнеутверждающее свидетельство о тех, кому в условиях внешней несвободы удалось сохранить собственную индивидуальность и творческое отношение к происходящему. «Характерная черта интеллигентной части Соловков на рубеже 1920-х и 1930-х гг. – это стремление перенарядить “преступный и постыдный” мир лагеря в смеховой мир, – писал в связи с этим академик Д. С. Лихачев. – Если соседи наши по Савватиеву и Муксалме, где содержались “политические”, то есть люди, официально состоявшие в политических партиях, зарегистрированных в каких-то международных организациях защиты политзаключенных, превращали (не без преувеличений) свое содержание на Соловках в мир страданий и мучений, то

настоящие каэры (контрреволюционеры) центральной части Соловков всячески подчеркивали абсурдность, идиотизм, глупость, маскарадность и смехотворность всего того, что происходило на Соловках – тупость начальства и его распоряжений, фантастичность и снопоподобность всей жизни на острове (мир страшных сновидений, кошмаров, лишенных смысла и последовательности)» [6, с. 171].

Нередко такие люди проявляли творческую активность еще в местах лишения свободы, а после освобождения оставляли письменные свидетельства, по которым можно судить о социокультурных особенностях прошедшей эпохи. Не последнее место в этом всемирном наследии занимают воспоминания узников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОУ) и тюрьмы, которые в своем развитии оказали заметное влияние на формирование системы исполнения наказания в

СССР. Несмотря на индивидуальные черты и жанровое разнообразие доступных текстов, мемуаристы затрагивают целый ряд общих тем и вопросов, обращение к которым позволяет выявить различные аспекты мироощущения бывших заключенных. Среди них выделяются описания природы, исследованию которых и будет посвящена настоящая статья.

В дошедших до нас мемуарах природа нередко выступает в качестве пространства и, одновременно, участницы передаваемых событий. Связано это с тем, что строительство социализма в Советском Союзе ставилось в прямую зависимость от проводимой в стране индустриализации и связанного с ней освоения природных богатств, которое нередко осуществлялось силами уголовных и политических заключенных. Соловецкие острова являлись не только хорошо изолированным местом, где без особой огласки можно было содержать значительное число арестантов, но и территорией, богатой строевым лесом, который десятилетиями служил валютой, столь необходимой для восстановления и развития народного хозяйства. Специфический климат, отсутствие полноценного питания, ненормированный рабочий день, жестокое обращение со стороны лагерной администрации ставили заключенных на грань выживания в природном пространстве Русского Севера. «На Мягострове в 1929 г. содержалось около 300 человек: половина из них работала на территории лагеря, другая – в лесу, – вспоминал баптистский проповедник А. П. Петров о лагерной командировке, расположенной в Онежском заливе Белого моря. – Оставшиеся в нем на ночь по приказу охранников разжигали большой костер. Самых заключенных сгоняли в кучу примерно в шести метрах от огня, где они стояли всю ночь, не двигаясь и не разговаривая друг с другом. На следующее утро каждый из них получал по 400 граммов посланного из лагеря хлеба, и после этой скудной еды люди должны были продолжить выполнение своей обычной работы на других участках леса. Некоторые заключенные не возвращались в свои бараки в течение многих недель просто потому, что не могли закончить положенный урок в течение дня» [8, с. 221].

Ситуация усугублялась тем, что многие представители урбанистической культуры, а именно они составляют основную массу мемуаристов, склонялись к абстрактно-эстетическому восприятию окружающего мира. При непосредственном соприкосновении первородная стихия восприни-

малась ими в качестве инертной массы, требующей преодоления, от которого зависело выживание и собственное благополучие. «Никто из нас никогда не занимался тяжелым физическим трудом, никто никогда не пилил леса: мы не умеем ни пилить, ни носить тяжести, – писал публицист Г. А. Андреев, рисуя типичную картину лагерного лесоповала. – Мы задыхаемся, сделав полсотни взмахов пилой; не рассчитав ветра или наклона дерева, мы не можем его свалить: пилу заедает в резе, мы ломаем пилы. Портим мы и ценную, пахучую древесину: деревья расщепляются у нас вдоль, и вместо прекрасного строевого леса мы даем лес, годный только на дрова. Срезанные деревья, падая, повисают у нас на соседних, мы выбиваемся из сил, стараюсь повалить их, но это удастся не всегда. Мы режем соседние деревья – они повисают на следующих. Нагородив длинный забор из полу-сваленных, висящих одно на другом, деревьев, мы безнадежно смотрим на него и готовы опустить руки...» [1, с. 153–154].

Губительному и для людей, и для природы освоению архипелага в какой-то мере противостояло то, что находившиеся на Соловках ботаники, гидробиологи, зоологи, орнитологи, наряду с историками, реставраторами и краеведами, служили делу изучения и сохранения природного и культурного наследия, усматривая в этом подвижническом труде свое высшее предназначение. Некоторые из них продолжили подобную деятельность после освобождения. «Все мое прошлое подготовило меня к вступлению в ряды защитников природы: юность, связанная с деревней, охота и – крепче всего – годы, научившие видеть в окружающем мире живой природы утешение и прибежище, нечто, не причастное человеческой скверне» [3, с. 451], – писал по этому поводу активный член всероссийских охранных обществ О. В. Волков, указывая одновременно на спасительное значение природы в жизни каторжан.

О том же свидетельствовал Д. С. Лихачев, подчеркивая, что «душевное здоровье на Соловках помогла сохранить именно природа, а точнее постоянный пропуск на выход из Кремля» [6, с. 172]. Для него, как видно из цитаты, природа ассоциировалась в первую очередь с бегством от удушающей атмосферы «мертвого дома». Но даже при отсутствии хотя бы и относительной свободы окружающий мир нередко становился для мемуаристов источником позитивных эстетических переживаний. «Какие дивные там зори! Какой чистый воздух! Какое море, все время меняющееся на

себе в хорошую погоду самые нежные краски ... А кто опишет красоту летней ночи соловецкой, нежнейшие переливы красок заката и восхода солнечного?» [9, с. 24] – вспоминал красоту здешних мест протоирей Анатолий Правдолюбков. Оказавшись на Соловках двадцатилетним юношей, он относил события лагерного периода к числу самых отрадных в своей жизни.

Вид северного пейзажа оказывал благотворное действие и на вполне сформировавшихся людей, о чем писала О. В. Второва-Яфа, которая была доставлена на архипелаг в пятидесятилетнем возрасте. Созерцание гранитных глыб, «бараньих лбов», поросших мхом и лишайником, торфяных болотца, пестревших шелковистой пушицей, карликовых березок и тощих сосенок, полей вереска и иван-чая, ставших любимыми еще в пору дореволюционных путешествий, возродило во время лагерного этапа то сокровенное, что, казалось, было забыто и навсегда уничтожено пребыванием за решеткой. «Только тут я впервые поняла, осмыслила, что еду в родные моему сердцу места, которых я не видела более десяти лет. И сразу же, как только я это осмыслила, из моего сознания выпали и мои спутники, и конвой, и только что пережитые полгода тюремного заключения, и, наоборот, как совсем недавно и живое, встали передо мной мои княжеско-губские, ковдские, кандалакшские и соловецкие воспоминания... <...> в первый раз со дня своего ареста я обрела способность плакать – и плакала стихийно, неудержимо, как стихийно, неудержимо несется из-под внезапно вскрывшегося льда вешние воды <...> постепенно мне теплее и легче становилось на сердце, точно, благодаря этим обильным, безотчетным слезам, смягчалось и разряжалось мучительное-напряженное душевное оцепенение, так долго мной владевшее, – и я опять нашла себя, свою подлинную, неизменную сущность» [4, с. 389–390].

Передавая первое впечатление от вида обители, как бы вырастающей из глубины окружающего ее острова, морской офицер Б. Л. Седерхольм вспоминал, что, «несмотря на всю мерзость запустения лагеря, бывший монастырь поразительно красив. Среди зелени хвойных лесов мелькают разбросанные там и сям маленькие беленькие часовенки с ярко-зелеными коническими крышами» [10, с. 676].

Усиливая восприятие архипелага как уникального природно-архитектурного ансамбля и духовного центра России, Д. С. Лихачев обращал внимание на то, что «природа Соловецких остро-

вов словно создана между небом и землей <...> На Соловках все говорит о призрачности здешнего мира и о близости потустороннего...» [6, с. 173] Мистическое восприятие и толкование природных объектов и явлений встречается у самых разных авторов и носит как положительные, так и отрицательные оценки.

В книге Б. Н. Ширяева, лес выступает в качестве доброго начала, освященного благочестием подвизавшихся здесь святых, чьи молитвы и труды восстанавливали совершенство первоначального мира, свободного от греха и происходящих от него насилия и смерти. «Дебря соловецкая мирная, – писал автор, пересказывая известный сюжет монастырского жития. – Святитель Зосима вечный пост на нее наложил: убоины всем тварям лесным не вкушать, а волкам, что не могут без горячей крови живыми быть, путь с острова указал по своему новгородскому обычаю. Волки послушались слова святителя, поседали весной на пловучие льдины и уплыли к дальнему Кемскому берегу» [15, с. 32].

Даже во времена, когда на Соловках начала проливаться невинная кровь, лес в «Неугасимой лампаде» продолжал оставаться местом, скорее, доброжелательным по отношению к человеку. Именно здесь находится землянка последнего схимника, изгнать которого не решается даже начальник лагеря; в лесу скрывается беглый контрабандист, поймать которого не может вся лагерная охрана; на лесоповале, ставшем местом исхода души, в последние мгновения жизни приносит покаяние уголовник-рецидивист.

Левитановский, как характеризует его сам автор, пейзаж соловецкого леса навевал И. М. Андреевскому «тихую грусть, растворенную в тихой духовной радости Богородичного праздника» [2, с. 318]. Литургическая тема в воспоминаниях соловчан нередко выражалась через восприятие окружающего мира как храма Господня. Особенно ярко это проявлялось при упоминаниях катакомбных «храмов»: «Кафедрального собора» во имя Пресвятой Троицы, храма святителя Николая Чудотворца, – которые были местом незримого, но явного присутствия Бога. Яркая картина катакомбных богослужений начала 1930-х гг. представлена в воспоминаниях О. В. Волкова: «...на небольшой полянке, укрытой молодыми соснами, собиралась кучка верующих. Приносились хранившиеся с великой опаской у надежных и бесстрашных людей антиминс и потребная для службы утварь. Отец Иоанн надевал епитрахиль и фелонь, мятую и

вытертую, и начинал вполголоса. Возгласил и тихое пение нашего робкого хора уносились к пустому северному небу; их поглощала обступившая мшарину чаща...» [3, с. 4–5].

В представлении верующих людей не только лес, но и небо превращалось в часть нерукотворного храма. Охватывая землю, покрывая невзгоды и страдания ее обитателей, небосклон напоминал о Горнем мире, приносил утешение и ставил вопросы о личной судьбе и судьбах мира. Верующие заключенные из романа А. П. Скрипниковой спрашивали героиню о значении северного сияния: «– Да, да, – твердила другая женщина, – это чудо! Это неспроста! Это Бог послал нам, как знамение! Чего?! Радости или горя?! Вы бы, Анна Васильевна, не о минутах заботились бы, сколько оно продолжалось, а объяснили бы нам, как ученая женщина, что это за знамение Бог нам послал на небе!..» [11, л. 213].

Своеобразным гимном природе как орудию Божественного промысла, вдохновляющего и укрепляющего человека на пути страданий, можно считать воспоминания протоиерея Валериана Кречетова об отце – священнике Михаиле, который в конце 1920-х – начале 1930-х гг. молодым человеком отбывал наказание в Кемском пересыльном пункте СЛОНа. «"Был закат, я смотрел на море... И вот небо открылось и закрылось. Я увидел тот мир. Он был более реальный, чем наш". Это свидетельство отца, как Господь давал откровения в тех местах. Господь подкреплял верующих, бывших в заключении, давал откровения» [5].

Такое восприятие окружающего мира тождественно монастырской традиции. На это указывал историк С. В. Морозов, приводя в качестве доказательства слова оптинского старца Нектария о преподобном Елеазаре: «Вышел он как-то раз ночью на крыльцо своей кельи, глянул на красоту и безмолвие окружающей Анзерский скит природы, озаренной дивным светом северного сияния, умилился до слез, и вырвался у него из растворенного Божественной любовью сердца молитвенный вздох: "О, Господи, что за красота создания Твоего. И чем мне и как, червя презренному, благодарить Тебя за все Твои великие и богатые ко мне милости?"» [7, с. 49].

Вместе с тем природа архипелага в глазах заключенных отражала не только бытийственную составляющую Божьего мира, но и трагическую дихотомию лагерного бытия: «Здесь – большой природный Рай, но одновременно большой Ад

для заключенных всех рангов, сословий, всех населявших Россию народов!» [6, с. 174], – писал Д. С. Лихачев, кратко формулируя причину возможного диссонанса.

«В климатическом отношении Соловки напоминают курорт: мягкий климат, умеренно влажный воздух, очень чистый и незараженный, изобилие лесов, красивые побережья, хорошая устроенность всей территории острова. Но, очевидно, для душевного равновесия физических условий все же недостаточно» [14, с. 670–671], – признавался отец Павел Флоренский, указывая в письме к родным на царившую здесь обстановку, действие которой накладывало негативный и даже демонический отпечаток на самые величественные проявления окружающего мира. «Любоваться природой, а она на Соловках удивительно, фантастически красива в любое время года, не было ни у кого ни желания, ни силы, – вторил именитому ученому и богослову слесарь С. В. Щегольков. – Передвижение по территории ограничено, человек знает работу и барак. Да когда еще ждешь, что тебе добавят срок или поведут на Секирную гору, тут не до духовной пищи» [16, с. 10].

В повести Г. А. Андреева, которая начинается с лирического описания соловецкой осени, лес приносит не только утешение, но «полон призраками, грозящими, усиливающими тоску в груди...» [1, с. 118]. В другом месте он писал: «Тучи плотно закрыли небо, они заменяют его нам. И не пробить их холодной безучастности той скорби, тому немому призыву, что обращен к небу из всех этих старых и новых могил» [1, с. 122].

Похожий пассаж, характеризующий безучастное отношение природы к человеческим страданиям, встречается в романе Б. Л. Солоневича («бледное северное небо, такое чистое и спокойное, и такое далекое от боли и мук людей» [12, с. 435]). В глазах писателя природа стала игрушкой inferнальных сил в некогда святом месте, где «дьявол, ликуя, плясал свою пляску смерти...» [12, с. 433].

Подобно этому автору, подавляющее большинство заключенных, вне зависимости от религиозных, сословных и политических убеждений, рассматривали пребывание в лагере как сходение в ад, что свидетельствовало об их знакомстве с библейской традицией и накладывало соответствующий отпечаток на взаимоотношения с окружающим миром.

Пожалуй, один из наиболее мрачных образов лагеря, который свидетельствует о богооставлен-

ности и, одновременно, о страхе перед явлениями природы, можно найти в мемуарах анархиста К. Л. Власова-Уласса. Предел отчаяния выражен у него в образе заходящего солнца, которое, будучи символом и источником жизни, напоминало мемуаристу «о гибельности существования, окрашивая небо и море в кровавый цвет (“кровавый диск медленно, погружался в воды Белого моря”, “тучи, окрашенные в кровавый цвет заходящим солнцем”))» [13, с. 171–172].

Похожий образ находим в книге А. П. Скрипниковой. Обожествляя природу в духе Спинозы, героиня романа не только утешается ее видами, но и приходит в ужас от их созерцания: «Маленькие, совершенно почерневшие от времени деревянные домишки и белые столбы дыма из труб на фоне огненно-красного заката, что полыхал апокалипсическим пожаром в небе и отражался в море! Было жутко смотреть на эту грозную красоту двойного пожара в небе и в море» [11, л. 82].

Как было показано, описания окружающего мира, встречающиеся на страницах воспоминаний соловецких узников, раскрывают особенности их мировоззрения и мироощущения. Они указывают на то, что взаимоотношения с природой выступают в качестве важного элемента внутренней жизни и становятся источником глубоких эстетических и духовных переживаний, которые, в свою очередь, могут носить как положительную, так и отрицательную окраску. Последнее соответствует дохристианским традициям, в которых, с рядом оговорок, видимое воспринималось как нечто враждебное по отношению к человеку, подобно платоновскому образу тела как темницы души. В христианстве, с его верой в освящение земной материи в Ипостаси Иисуса Христа, утверждается возможность обожения вещественного через действие Божественных энергий. Материя перестает в таком случае быть препятствием на пути к Богу, но становится камертоном, настраивающим на общение и отображающим отношение человека к Творцу и созданному Им миру.

Библиографический список

1. Андреев, Г. А. Соловецкие острова (1927–1929) [Текст] / Г. А. Андреев // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловецкий монастырь, 2015.
2. Андреевский, И. М. Православный еврей-исповедник [Текст] / И. М. Андреевский // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловецкий монастырь, 2015.

3. Волков, О. В. Погружение во тьму [Текст] / О. В. Волков. – М. : Молодая гвардия, 1989.

4. Второва-Яфа, О. В. Авгуровы острова [Текст] / О. В. Второва-Яфа // Воспоминания соловецких узников. Т. 3. Соловецкий монастырь, 2013.

5. Кречетов, В., прот. «Только служить Богу. Больше ничего не просил» [Электронный ресурс] / прот. В. Кречетов. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/67935.htm>

6. Лихачев, Д. С. Воспоминания [Текст] / Д. С. Лихачев. – СПб. : Logos, 1995.

7. Морозов, С. В. Постижение Соловков. Очерки и материалы [Текст] / С. В. Морозов. – М. : ТСМ, 2004.

8. Петров, А. П. Соловки: живое кладбище [Текст] / А. П. Петров / пер. с англ., вступ. ст., коммент. свящ. В. Умнягин // Север. – 2014. – № 1/2.

9. Правдолюбов, А., прот. Соловецкие рассказы [Текст] / прот. А. Правдолюбов. – М., 2008.

10. Седерхольм, Б. Л. В разбойном стане: Три года в стране концессий и «Чеки» (1923–1926) [Текст] / Б. Л. Седерхольм // Воспоминания соловецких узников. Т. 1. Соловецкий монастырь, 2013.

11. Скрипникова, А. П. Соловки [Текст] / А. П. Скрипкина // НИОР РГБ. – Ф. 633. – К. 1. – Е. х. 3.

12. Солоневич, Б. Л. Тайна Соловков [Текст] / Б. Л. Солоневич // Воспоминания соловецких узников. Т. 2. Соловецкий монастырь, 2014.

13. Умнягин В., свящ. «Я не могу допустить, чтобы человек так обращался с человеком»: неизвестные воспоминания о побеге из Соловков // Соловецкий сборник. – 2014. – № 10.

14. Флоренский, П. А., свящ. Сочинения: в 4 т [Текст] / свящ. П. А. Флоренский. Т. 4 : Письма с Дальнего Востока и Соловков. – М. : Мысль, 1998.

15. Ширяев, Б. Н. Неугасимая лампада [Текст] / Б. Н. Ширяев. Соловецкий монастырь, 2012.

16. Щегольков, С. В. Небольшое повествование о том, как советская власть и партия ВКП(б) сделали меня «государственным преступником-террористом», который готовил покушение на жизнь товарища Сталина [Текст] / С. В. Щегольков. – М., 1999.

Bibliograficheskiy spisok

1. Andreev, G. A. Solovetskie ostrova (1927–1929) [Tekst] / G. A. Andreev // Vospominaniia solovetskikh uznikov. T. 3. Solovetskii monastyr', 2015.

2. Andreevskii, I. M. Pravoslavnyi evrei-ispovednik [Tekst] / I. M. Andreevskii // Vospominaniia solovetskikh uznikov. T. 3. Solovetskii monastyr', 2015.

3. Volkov, O. V. Pogruzhenie vo t'mu [Tekst] / O. V. Volkov. – M. : Molodaia gvardiia, 1989.

4. Vtorova-Iafa, O. V. Avgurovy ostrova [Tekst] / O. V. Vtorova-Iafa // Vospominaniia solovetskikh uznikov. T. 3. Solovetskii monastyr', 2013.

5. Krechetov, V., prot. «Tol'ko sluzhit' Bogu. Bol'she nichego ne prosil» [Elektronnyi resurs] / prot. V. Krechetov. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/67935.htm>

6. Likhachev, D. S. Vospominaniia [Tekst] / D. S. Likhachev. – SPb. : Logos, 1995.
7. Morozov, S. V. Postizhenie Solovkov. Ocherki i materialy [Tekst] / S. V. Morozov. – M. : TSM, 2004.
8. Petrov, A. P. Solovki: zhivoe kladbishche [Tekst] / A. P. Petrov / per. s angl., vstup. st., komment. sviashch. V. Umniagin // Sever. – 2014. – № 1/2.
9. Pravdoliubov, A., prot. Solovetskie rasskazy [Tekst] / prot. A. Pravdoliubov. – M., 2008.
10. Sederkhol'm, B. L. V razboinom stane: Tri goda v strane kontsessii i «Cheki» (1923–1926) [Tekst] / B. L. Sederkhol'm // Vospominaniia solovetskikh uznikov. T. 1. Solovetskii monastyr', 2013.
11. Skripnikova, A. P. Solovki [Tekst] / A. P. Skripnikova // NIOR RGB. – F. 633. – K. 1. – E. kh. 3.
12. Solonevich, B. L. Taina Solovkov [Tekst] / B. L. Solonevich // Vospominaniia solovetskikh uznikov. T. 2. Solovetskii monastyr', 2014.
13. Umniagin V., sviashch. «Ja ne mogu dopustit', chtoby chelovek tak obrashchalsia s chelovekom»: neizvestnye vospominaniia o pobege iz Solovkov // Solovetskii sbornik. – 2014. – № 10.
14. Florenskii, P. A., sviashch. Sochineniia: v 4 t [Tekst] / sviashch. P. A. Florenskii. T. 4 : Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov. – M. : Mysl', 1998.
15. Shiriaev, B. N. Neugasimaia lampada [Tekst] / B. N. Shiriaev. Solovetskii monastyr', 2012.
16. Shchegol'kov, S. V. Nebol'shoe povestvovanie o tom, kak sovetskaia vlast' i partiia VKP(b) sdela li menia «gosudarstvennym prestupnikom-terroristom», kotoryi gotovil pokushenie na zhizn' tovarishcha Stalina [Tekst] / S. V. Shchegol'kov. – M., 1999.